
Е. А. Попов (Барнаул), Л. А. Мукова (София, Болгария)

ПУТЬ К СОЦИОЛОГИИ ПРАВА: ФИЛОСОФИЯ И ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В современном социогуманитарном знании вопрос о статусе той или иной научной сферы познания подчас стоит очень остро по причине влияния междисциплинарности или же внутренних проблем самой отрасли знаний. В этой связи статус философии права как самостоятельной научной отрасли вряд ли следует считать полностью определившимся. И дело здесь не только в том, что традиционно много вопросов по поводу научности возникает и к «большой» философии, тогда что уж говорить про «отраслевые» философии, в том числе и философию права. Если вести речь о критериях науки, то философия права им в наименьшей степени может соответствовать. Вопрос о методологической самоидентификации, равно как и об основном объекте, по-прежнему в случае с данной отраслью знаний стоит довольно остро. Не располагая своим методом, находясь к тому же в объектном пространстве сразу нескольких авторитетных и автономных научных отраслей, например, правоведения, философии права непросто отстоять свое научное кредо. Конечно, если бы философия права раз и навсегда определилась со своим основным объектом — правом, правовой реальностью, правовой культурой или же правовой жизнью человека и общества, то было бы больше оснований констатировать уникальность и самодостаточность данной сферы познания мира и человека.

Однако и здесь имеется определенная сложность: философия права, а точнее философы права во все времена не спешили отстаивать свой самобытный объект, потому что для многих из них обращение к рассуждениям о праве растворялось в системе политических или социально-философских учений. Правовую реальность, что называется, «замечали» тогда, когда досужие размышления о политике заходили в тупик или же, напротив, превращались в целую политическую доктрину, и идеи о праве разбавляли ее другими красками. В других случаях философия права могла представлять собой некий итог становления философа, его взглядов, системного учения. Так, в частности, обстояло дело с программной работой «Философия права» Гегеля, которая, по сути, стала квинтэссенцией философии великого мыслителя. К слову сказать, в истории философии трудно назвать имена философов права «чистой воды», тех, кто изначально поставил во главу угла своей концепции учение о правовой ре-

альности. Социальные философы и те, кто более всего оставались приверженцами политической науки, были склонны рассуждать о праве и осмысливать данный феномен, но происходило это все же нечасто, а если и случалось, то практически в последние годы жизни мыслителя или ученого. Так, собственно, было и с Гегелем. В отдельных случаях, по-видимому, право рассматривалось философами по остаточному принципу.

В то же время в вопросах осмысления права довольно сложно бывает преодолеть крен юридизации, политизации или даже социологизации правовой реальности. Иными словами, потребует ли от философа говорить о праве языком самого права, политики или социальности или все же он должен оставаться верным самому себе и всегда быть больше философом, чем правоведом. Между тем именно в философии права граница между самим правом и его сущностью довольно зыбка, а потому и философы, и правоведы почти всегда заступают на предметное поле друг друга. Из всего этого, кстати, могут получиться довольно любопытные аберрации. Скажем, чьи рассуждения о справедливости — философа или правоведа — будут ближе всего к правовой реальности? Вопрос не простой и, вне всякого сомнения, судьбоносный как для философов, так и для юристов. Причем если первые усматривают в справедливости, предположим, состоянии отношений общества и человека, то вторые — условие назначения должного наказания или привлечения к ответственности. Разумеется, для того, чтобы философия права обрела свою самостоятельность и закрепила научный статус, ей недостает объектно-предметной определенности. В любом случае философия права не должна подменять теорию права, и наоборот. А пока, по замечанию М. В. Шугурова, действительно, «одним из фундаментальных в философии права, как известно, является вопрос о ней самой, а именно о ее дисциплинарном статусе. Данный вопрос имеет различные решения — от признания философии права составной частью теории права до ее осмысления в качестве раздела собственно философского знания» [1, с. 7]. Но очевидно, что, несмотря на все старания с обеих сторон, провести четкую демаркацию философии права и теории права не просто не представляется возможным, но отчасти это угрожает сохранению целостности системного знания о праве и его феноменах. Это возможно по той причине, что обе стороны признают в качестве основы развития права не только нормы, но и культурные ценности. При этом юрист, даже будучи позитивистом, не может не признать необходимости рассматривать в качестве важнейшего источника нормообразования человеческие ценности. Точно так же

и философ, занимающийся исследованием сущности права, не может отвергать значимость соотношения ценности и нормы для формирования правовых институтов.

Важным направлением развития философии права является формирование двух ипостасей ее бытования: с одной стороны, она выступает в качестве системы знаний о правовой реальности, с другой стороны — в руках правоприменителя становится инструментом, связующим жизнь и право. Тогда в первом случае философия права оперирует концепциями и учениями о праве, складывающимися в различные эпохи, а во втором случае она позволяет давать оценку повседневной правовой жизни, когда, например, суд выносит приговор, руководствуясь соображениями справедливости, но все же не для всех такое судьбоносное решение кажется именно таковым — справедливым. Для современных исследователей-правоведов довольно характерно обращение к философско-правовому контексту, когда, в частности, речь идет об объектах реальности и правовой, и социальной, и психической, и социокультурной и т. д.

Довольно любопытными с этой точки зрения являются, например, рассуждения Е. В. Сазонниковой о границах свободы творчества в культурной сфере; автор выступает здесь одновременно и как профессиональный юрист, и как философ права, анализируя свободу творчества как социокультурный феномен и в то же время как правовое явление, которое может привести к нарушению прав и свобод разных людей или к нарушению других прав человека [2, с. 32–35]. Вообще говоря, нет более популярной для осмысления философов права категории, чем справедливость. Так, например, В. В. Лапаева отмечает, что «конституирующим принципом права у Г. Д. Гурвича является справедливость, которую он трактует как правовую категорию. Однако понятие справедливости наполняется у него разным смыслом в зависимости от того, о каком праве — индивидуалистическом или социальном — идет речь. Ему не удалось выстроить последовательную теорию, основанную на внутренне непротиворечивом понятии права: у него, по сути дела, два разных права — индивидуалистическое и социальное, — каждому из которых соответствуют два разных представления о справедливости» [3, с. 7]. Очевидно, что философы всегда понимали и признавали именно правовую значимость справедливости как меры воздаяния за добро и зло, при этом справедливость вполне «вписывалась» в систему координат «правовая ценность — правовая норма». Но справедливость — это категория не только философского плана, она выступает в качестве предмета исследования и иных научных областей, например, социологии,

отраслями которой являются как социология права, так, собственно, и социология справедливости.

Следует обратить внимание на то, что современное бытование философии права сталкивается с определенными сложностями, вызванными, прежде всего, междисциплинарным взаимодействием различных наук. Пожалуй, наиболее часто такие сложности возникают из-за замещения философии права социологией права и наоборот. Оказывается, не всегда то, что называют или считают философией права, является именно таковой. Допустим, сами по себе размышления о свободе, добре или справедливости еще не могут автоматически расцениваться как философско-правовые, поскольку к данным категориям апеллируют различные науки, например, социальные, политические, экономические. Разумеется, и юридические также. Для философии права особое значение приобретает мировоззренческий контекст, с которым такие размышления о свободе и иных ценностно-смысловых системах соотносятся. Поэтому рассуждения о справедливости будут считаться философско-правовыми в том случае, если они затрагивают ценности и нормы, постулируемые в различных учениях о справедливости, возникших в различные эпохи и не утративших своей актуальности в наши дни. В теории права, скорее всего, внимание будет сосредоточено на противопоставлении позиций школ естественного и позитивного права, затрагивающих проблемы справедливости. В то же время и социологию права занимают вопросы, связанные с пониманием и применением в регулировании общественных отношений принципа справедливости.

Библиографический список

1. Шугуров М. В. Философия права: теория или умозрение? // Философия права. — 2015. — № 5 (72). — С. 7–13.
2. Сазонникова Е. В. Границы свободы творчества в культурной сфере // Культура: управление, экономика, право. — 2016. — № 3. — С. 32–35.
3. Лапаева В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 3–14.